

Чувствуя вину за то, что сорвал съёмочный график, во второй половине дня Цзи Чэн выкладывался на площадке на полную. Наблюдавший за ним Юй Цзыцюнь даже при всём желании не смог бы придаться ни к единой мелочи.

Убедившись, что парень снова вошёл в кураж, Лу Цзюньсянь со спокойной душой отправился к себе доспать: невосполненный ночной отдых отзывался во всём теле противной разбитостью.

Едва продюсер удалился, Цзи Чэн в перерыве снова уместился на складной табуретке и ушёл в глубокие раздумья о жизни.

«Если он днём дрыхнет, как он собирается засыпать ночью? А если ночью ни в одном глазу, опять начнёт полуночничать? Это же замкнутый круг».

Цзи Чэн не на шутку тревожился. Днём он уже попытался намекнуть Лу Цзюньсяню, что подобный режим до добра не доведёт, но срубят ли тот вывод — вопрос открытый.

Проломав над этим голову всю вторую половину дня, Цзи Чэн пришёл к выводу: раньше, когда он спал на полу у продюсера, было куда лучше.

Теперь-то он живёт один. Даже если выскочит ночью из номера, никто не засечёт — а значит, и дурацким сплетням взяться неоткуда.

На том и порешил, пусть пока и понятия не имел, как воплотить задуманное.

Рабочий день выдался насыщенным: короткая передышка после дневного блока, быстрый ужин — и сразу ночные съёмки. К счастью, Цзи Чэн играл не главную роль, так что его сцены отщёлкали за пару дублей.

В отель он вернулся около десяти вечера. Ополоснувшись в душе, Цзи Чэн поймал себя на остром желании наведаться к Лу Цзюньсяню — хотя бы просто взглянуть на кровать, где больше не было Сяо Хуа. Вот только предлога не находилось.

Впрочем, одна зацепка оставалась: в самом начале продюсер сам говорил, что к нему всегда можно обратиться с вопросами по роли.

Раскрыв сценарий, Цзи Чэн бегло пробежался по репликам, которые следовало вызубрить к завтрашнему дню, и карандашом пометил места, где можно было сыграть неведение. Однако, закончив, он с досадой понял: идти прямо сейчас слишком рано. Он справится со своими

«вопросами» за десять минут, и что дальше? На каком основании оставаться?

Подумав, он решил сначала от зубов выучить весь текст, а уж потом, рассчитав время до минуты, заявиться к Лу Цзюньсяню под видом искренне ищущего совета актёра. А дальше...

А дальше фантазия пасовала. Причину заявиться он придумать смог, а вот как обосновать своё присутствие до утра — увы.

Спустя два часа, когда завтрашний текст отскакивал от зубов без малейшей запинки, Цзи Чэн взглянул на часы. Стрелки приближались к полуночи. Самое время.

Сгребнув сценарий и свой старенький кнопочный телефон, он прошмыгнул за дверь.

Помятуя о недавних сплетнях, парень соблюдал предельную осторожность. Даже несмотря на то, что Сяо Хуа отбыл, Цзи Чэн воровато оглядывал коридор, проверяя, не следит ли кто за ним. Лифтом пользоваться не рискнул: съёмочная группа обычно возвращается поздно, и шанс столкнуться с кем-то в кабине был слишком велик. Выбрав безопасность, он поплёлся по лестнице — благо подниматься нужно было всего на один этаж.

Датчик движения на межэтажной площадке явно барахлил, поэтому лестничный пролёт тонул в непроглядной, жутковатой тьме. Бродить здесь в одиночку в полночь отважился бы не каждый, но Цзи Чэн только увереннее шагнул сквозь мрак.

«Ну ладно, буду изображать дурачка и тянуть время вопросами, ну продержусь тридцать минут... А дальше-то что? Как остаться, чтобы проконтролировать, во сколько этот полуночник ляжет?»

И тут же мысленно огрёл сам себя: а не слишком ли много он на себя берёт?

Очутившись у нужной двери, Цзи Чэн не решился сразу постучать. Прислонившись спиной к прохладной стене, он погрузился в мучительные сомнения. В конце концов, кто он ему такой? Ну да, переживает. Но ведь можно просто сказать пару слов и уйти. А рваться на дежурство у чужой кровати — это уже перебор. Вдруг продюсер решит, что парень суёт нос не в свои дела?

Мрачней на глазах, Цзи Чэн уставился на сжатый в руках сценарий. Внезапно вся его решимость испарилась.

И надо же было такому случиться: именно в этот момент из-за поворота вынырнула фигура. Цзи Чэн вскинул голову и столкнулся взглядом с Юй Цзыцюнем.

Оба синхронно насупились.

— Ты чего среди ночи тут столбняк ловишь? — Режиссёр подошёл ближе и скрестил руки на груди. — Цзюньсянь тебя в угол, что ли, поставил?

— Нет, — сухо отрезал Цзи Чэн.

Режиссёр, не долго думая, фамильярно постучал в дверь. В эту секунду Цзи Чэн опустил взгляд на свои пальцы. На душе скребла смутная досада пополам с завистью: и почему он сам не может вот так запросто проявить наглость?

«Потому что ты припёрся сюда со враньём и совесть тебя жрёт», — мрачно ответил себе парень.

В этот миг замок щёлкнул. Вздвогнув, Цзи Чэн отлепился от стены, прижал сценарий к груди и вытянулся по стойке «смирно» подле Юй Цзыцюня.

Увидев на пороге эту парочку, Лу Цзюньсянь откровенно изумился.

— Вы?... Что-то стряслось?

— Надо обсудить пару моментов по сюжету, — веско заявил Юй Цзыцюнь.

— Появились вопросы по сценарию, хотел проконсультироваться, — практически одновременно с ним пробормотал Цзи Чэн.

Дело рабочее, так что Лу Цзюньсянь лишь кивнул и отступил в сторону, пропуская гостей.

Понимая, что режиссёрские правки непосредственно влияют на завтрашний съёмочный процесс, продюсер усадил Цзи Чэня на диван, а сам устроился с Лао Юем за письменным столом.

История повторялась с пугающей точностью. Утонув в мягких подушках, Цзи Чэн невольно вспомнил ту самую первую ночь, когда впервые остался здесь на полу. Тогда всё развивалось один в один: он пришёл якобы за советом, а следом притащился Юй Цзыцюнь.

Судьба словно сама подбрасывала ему идеальный шанс.

Косясь на увлечённо спорящих у стола мужчин, Цзи Чэн тихонько сполз повыше и прикрыл глаза, изображая глубокий сон.

Разговор затянулся от силы минут на десять — нужно было утрясти лишь пару мелких деталей. Покончив с этим, Лу Цзюньсянь обернулся и обомлел: парня снова сморил сон...

Юй Цзыцюнь лишился дара речи.

— Эй! Скажи мне, он что, издевается?!

Режиссёр вскочил, едва сдерживаясь, чтобы не подскочить к дивану и не устроить этому лежебоке хорошую встряску. Один и тот же трюк дважды! Это уже ни в какие ворота!

— Тише ты, — Лу Цзюньсянь вовремя подхватил его за рукав и нахмурился. — Он ведь сегодня весь день из кадра не вылезал?

— Ну да, и утром, и днём, и в ночную смену, — брякнул Лао Юй.

— Вот и выдохся парнюга. Пусть поспит.

Юй Цзыцюнь аж поперхнулся.

«Я, блин, целыми днями на площадке орю, и почему-то не вырубаюсь на каждом шагу?!»

— Потакай ему больше! — обречённо фыркнул режиссёр. Сгребнув сценарий, он направился к выходу, но у самого порога замер и постучал пальцем по циферблату часов: — Время видел? Завязывай с полуночиством, береги себя.

Лу Цзюньсянь изобразил пальцами «ОК». Юй Цзыцюнь ещё раз смерил дремлющего юношу испепеляющим взглядом: ишь, сопляк, снова обставил!

Едва за режиссёром захлопнулась дверь, Лу Цзюньсянь тихо подошёл к дивану и ласково коснулся макушки парня.

— Цзи Чэн? Ты спящий? — полушёпотом окликнул он.

Цзи Чэн, понятное дело, и не думал спать — за десять минут он бы просто не успел отключиться. Но на оклик не отозвался и даже мышцей не дёрнулся. Ещё чего! Назовись он сейчас — и прощай, мягкое местечко!

Мочки ушей парня пылали густым румянцем стыда и волнения, но в номере вовсю жарил кондиционер, так что Лу Цзюньсянь списал эту красноту на душный воздух. Не получив ответа, продюсер окончательно поверил, что парень выбился из сил.

Оставлять его скрюченным на диване на всю ночь было нечеловечно: если уложить плашмя, его длиннющие ноги просто не поместятся. Вздохнув, Лу Цзюньсянь достал из шкафа запасное постельное бельё, привычным движением постелил на полу матрас и вернулся, чтобы

перетащить «соню».

— Да уж, метр девяносто — это тебе не шутки, ну и тяжеленный же ты, парень... — сдавленно пропыхтел Лу Цзюньсянь, подхватывая его под мышки.

Аккуратно волоча юношу к подстилке, продюсер тихонько ворчал под нос, мысленно отмечая, что порции «за троих» не проходят бесследно для мускулатуры.

Уши Цзи Чэня вспыхнули с новой силой. Он уже подумывал переступить ногами сам, но вовремя побоялся раскрыть инсценировку — пришлось обмякнуть всем телом и довериться чужим рукам.

От продюсера пахло так умиротворяюще и приятно, что Цзи Чэн, мучимый совестью, одновременно таял от блаженства.

Уложив парня и укрыв его одеялом, Лу Цзюньсянь с облегчением перевёл дух и присел на корточки рядом.

Заснул беспросветным сном, даже когда его тащили — хоть бы глаз приоткрыл. Похоже, нагрузки действительно даются новичку нелегко, парню нужно время, чтобы привыкнуть к бешеному ритму площадки.

«Надо будет при случае подкармливать его нормальной едой, — решил про себя продюсер. — Стандартных пайков съёмочной группы этому богатырю явно маловато».

Вернувшись за стол, Лу Цзюньсянь опять уставился в монитор.

Дневной сон аукнулся бодростью: спать не хотелось ни в одном глазу. Опять работа до рассвета. От этой мысли продюсера обдало волной тихого отчаяния.

Лежащий на полу Цзи Чэн услышал сухое стаккато клавиш и тоскливо вздохнул. Как он и думал.

Прошло полчаса, а стук так и не прекратился. Достав из-под одеяла кнопочник, Цзи Чэн приоткрыл дисплей: первый час ночи.

Пальцы продюсера порхали по клавиатуре вяло и с паузами — совсем не так рьяно, как в прошлые дни. Было ясно: текст идёт туго.

«Раньше, когда я спал на полу, он выключал свет только потому, что я глазел на него и не засыпал. А теперь решил, что раз я отключился, можно сидеть хоть до утра?!»

Цзи Чэн дал ему ещё десять минут: если тот не оторвётся от экрана, придётся «проснуться» в туалет и как бы невзначай отчитать этот неразумный организаторский организм.

Но не прошло и пяти минут, как несвязный стук клавиш оборвался. В номере воцарилась звонкая тишина.

Цзи Чэн насторожился и замёрз, боясь выдать себя. Выждав пару минут и не услышав больше ни звука, он осторожно приподнял голову и обомлел: Лу Цзюньсянь уткнулся лицом в сложенные на столе руки.

«Вот и отлично!»

Юношу обдало волной облегчения. Раз отключился сам — значит, не придётся толкать косноязычные речи и переживать, что продюсер проигнорирует его заботу.

Понаблюдав за ним ещё минуты три и убедившись, что плечи мужчины мерно вздымаются, Цзи Чэн бесшумно выскользнул из-под одеяла и на цыпочках подошёл к столу.

На самом же деле Лу Цзюньсянь и не думал засыпать. Он уткнулся в стол вовсе не от усталости, а от безысходности: сюжет застрял намертво, и он пытался хоть как-то собрать мысли в кучу.

Нет ничего паршивее, чем мучиться бессонницей и одновременно выжимать из себя строчки — чистейшая трата времени и сил.

В голове царил сплошной туман — верный признак хронопатологии и ночных бдений. И только продюсер собрался тяжело вздохнуть, как земля ушла у него из-под ног...

Он еле удержался от испуганного возгласа, осознав, что Цзи Чэн подхватил его на руки, словно лёгкую ношу!

Услышав этот возглас, Цзи Чэн обомлел. Застыв с продюсером на руках, он превратился в изваяние, боясь даже вздохнуть.

— Ты... что творишь? — удивлённо вытаращился на него Лу Цзюньсянь.

«Он что, лунатик?»

Цзи Чэня накрыла волна невероятной, дикой неловкости. Опустить мужчину обратно на стул? Продолжать держать? Он застрял между этими двумя решениями, сгорая со стыда.

Затянувшаяся пауза становилась невыносимой. Чувствуя на себе ошеломлённый взгляд, Цзи Чэн попытался придать голосу твёрдости, хотя душа ушла в пятки:

— Вы заснули.

— Да не спал я... — Лу Цзюньсянь едва удержался от смеха.

Руки Цзи Чэня невольно сжались крепче. Сглотнув сухой ком, парень отказался признавать поражение.

— Всё равно... ложитесь. У вас сегодня и так гипогликемия была.

Сгрузить продюсера обратно на полпути казалось совсем уж нелепым. Обычно заливавшийся краской только по мочкам ушей, Цзи Чэн на сей раз пылал всем лицом. Решительно сделав шаг к кровати, он судорожно гадал, не перегнул ли палку и не разозлил ли мужчину.

Лу Цзюньсянь, наблюдававший, как к нему стремительно приближается подушка: «...»

Первой реакцией продюсера было недоумение: не свихнулся ли этот гигант?

Но, разглядев смущённую, пылающую физиономию Цзи Чэня, Лу Цзюньсянь неожиданно почувствовал, как к горлу подступает смех.

До него быстро дошёл весь ход мыслей юноши: парень просто увидел его уткнувшимся в стол, решил из благих побуждений дотащить до постели и теперь попал в глупейшее положение.

Парень и без того сгорал от стыда. Начни Лу Цзюньсянь сейчас упрячиться и заявлять, что спать не собирается, это станет для юного богатыря настоящим ударом. Так что продюсер решил промолчать.

Осторожно опустив его на матрас, Цзи Чэн замер рядом, виновато опустив плечи — чистый школьник перед строгим директором.

Не удержавшись от тихого смешка, Лу Цзюньсянь махнул рукой. В конце концов, муза всё равно улетела, а выдавливать из себя пустые слова нет смысла.

Зарывшись под одеяло, он тепло улыбнулся:

— Ладно-ладно, уговорил. Спать так спать.

Цзи Чэн опешил, а в следующее мгновение его сердце запело от радости. Он торопливо

закивал.

— Выключи ноутбук, будь другом. Я всё сохранил, просто закрой программу.

— Хорошо.

Окрылённый успехом, Цзи Чэн аккуратно затушил экран, погасил свет и прошмыгнул на свой матрас.

— Доброй ночи, — первым выдохнул он в темноту.

Лу Цзюньсянь тихо хмыкнул и сонно отозвался:

— Доброй ночи.

<http://bllate.org/book/20688/2149359>